

Гюстав Муанье и пацифистские общества

Андре Дюран

С момента основания Красного Креста возникла проблема его отношения к войне. Действительно, можно ведь утверждать, что правовое обоснование защиты жертв войны и создание территорий, где будет запрещено насилие, равно официальному признанию войны или молчаливому согласию с применением силы. Некоторые даже задавались вопросом, не служит ли намерение подчинить войну правовому регулированию, не попытавшись ее упразднить, интересам военных и политиков, ответственных за ведение войны, которые смогут отныне прикрываться идеей «правильной войны», чтобы оправдать свои действия в глазах общественного мнения и истории.

Эти соображения не повлияли на решимость основателей Красного Креста, которые, без сомнения, считали, что сами для себя они уже разрешили эту проблему. Будучи гражданами страны, нейтральность которой закреплена законодательно, они не признавали законность какой бы то ни было войны, кроме оборонительной, и самым лучшим гарантом защиты страны считали армию, формируемую из отрядов самообороны¹. Их целью было облегчение участи раненых военнослужащих, а не изменение политики государств. На открытии Женевского конгресса в октябре 1863 г. Гюстав Муанье, выступавший после генерала Дюфура, разъяснил позицию Международного Комитета следующим образом:

«Создается впечатление, когда мы слушаем тех, кто нас критикует, что все наши действия — это не что иное, как узаконивание войны, этого неизбежного зла. Оправдана ли эта критика? Я уверен, что нет. Вне всяких сомнений, мы хотим, как и все, и даже больше, чем кто бы то ни было, чтобы люди прекратили убивать друг друга и отвергли это варварство, доставшееся им в наследство от далеких предков... Тем не менее мы убеждены, что нам придется еще долго иметь дело с человеческими страстями и их пагубными последствиями. Почему бы тогда нам не попытаться смягчить эти послед-

¹ Генерал Дюфур в течение своей долгой военной карьеры четырежды назначался главнокомандующим федеральной армии Швейцарии; Гюстав Муанье, который во время Невшательской кампании (1857 г.) был солдатом женевского полка, провел пять недель на действительной службе на Рейне; Анри Дюнан, приняв в 1859 г. французское гражданство, был освобожден от военной службы, так как являлся одновременно гражданином Швейцарии; врачи Монуар и Аппиа в случае конфликта были бы непременно призваны на военно-медицинскую службу.

ствия, пока у нас нет возможности полностью и немедленно оградить себя от них? Хотя бы ради милосердия...»¹

Все же проблему войны нельзя игнорировать. Вследствие особого характера выполняемых задач Красный Крест непременно оказывается вовлеченным в ситуацию войны. Руководители организации, ее члены и делегаты имеют непосредственный контакт и постоянно ведут переговоры с людьми, ответственными за ведение войны. Если Красный Крест пытается регламентировать действия, которые осуждает, и не заявляет о своем осуждении, не берет ли он тем самым на себя ответственность за последствия этих действий и не санкционирует ли он в силу своего авторитета вооруженные конфликты, результатом которых могут быть только массовые убийства и разрушения? Поэтому правомерен вопрос: быть может, Красный Крест, а впоследствии и международное гуманитарное право сослужили бы большую службу человечеству, если бы присоединились к тем, кто, прямо выступая против войны, добивается устранения как причины, так и следствия.

Такую цель ставили перед собой пацифистские общества, основанные сразу после окончания наполеоновских войн в США и Великобритании: Американское общество мира и британское Общество обеспечения нерушимого и всеобщего мира, позже преобразованное в Лондонское общество мира². Эти общества руководствовались сначала религиозными и нравственными соображениями, находясь под влиянием квакерских идей о ненасилии. Однако вскоре выявились разногласия между сторонниками безусловного пацифизма и теми, кто не отвергал возможность ведения войны в целях защиты.

Во Франции первые движения пацифистской направленности опирались главным образом или на нравственные принципы, как Общество христианской морали, основанное в 1820 г., или на идеи утопического социализма, высказанные А. де Сен-Симоном и Ш. Фурье.

В Женеве первое Общество мира создал в 1830 г. граф Жан-Жак де Селлон. Руководствуясь принципом неприкосновенности человеческой личности, он прежде всего выступил за отмену рабства и смертной казни, а затем посвятил свою деятельность пропаганде мира и разрешения споров между народами мирным путем³.

Первый европейский Конгресс пацифистов, созванный Лондонским обществом мира по инициативе Американского общества, состоялся в Лондоне в 1843 г. Участники его, в основном представители США и Великобритании, об-

¹ *Compte rendu de la Conférence de Genève*, 26–29 octobre 1863, p. 8.

² Общество мира было основано в Лондоне 14 июня 1816 г. Оно играло важную роль в развитии движения пацифистских обществ на Европейском континенте. С историей Общества мира связано имя Генри Ричарда (1811–1888), редактора журнала «Геральд оф Пис», который почти 40 лет был секретарем Общества. Об истории пацифизма см. недавно изданную книгу *Verdiana Grossi. Le pacifisme européen: 1889–1914*. Bruylant, Brussels, 1994.

³ 14 декабря 1886 г. Гражданский суд Женевы назначил Гюстава Муанье доверительным собственником документов, оставшихся после смерти графа де Селлона, вместе с Луи Дюфуром, служащим Государственного архива, и Теофилом Дюфуром, судьей обычного и кассационного суда, директором Государственного архива (1877–1885), директором публичной университетской библиотеки (1885–1900).

суждали по большей части тему христианского гуманизма. Однако рассматривались там и вопросы социального плана, которые позднее получают значительное развитие, так же как и предложение об урегулировании конфликтов при помощи посредничества.

Революционные движения 1848 г. принесли странам Восточной Европы надежду на возможность братского сосуществования народов в результате их политического освобождения и торжества демократии. По мере того как народы открывали и утверждали свою государственность, они начинали признавать другие государства в качестве собеседников, старались забыть прошлые разногласия ради сотрудничества в установлении мира, в области науки, культуры, социологии, права, в деле строительства будущего общества. Это стремление к справедливо устроенному миру будет способствовать тому, что конгрессы, организованные пацифистскими обществами, получают дальнейшее развитие.

Первый Конгресс после революции прошел в сентябре 1848 г. в Брюсселе под председательством бельгийского юриста и филантропа Огюста Вишера. Он вместе с Гюставом Муанье был и одним из организаторов Международного конгресса благотворительных обществ в Брюсселе в 1856 г. и Дипломатической конференции в Женеве в 1864 г.

Через год, с 22 по 24 августа 1849 г., Конгресс пацифистов проходил в Париже. Энтузиазм, рожденный февральской революцией 1848 г., не угас. Виктор Гюго, депутат Национального собрания, находившийся тогда в расцвете своей литературной славы, был избран председателем Конгресса. Приведем отрывок из речи писателя на открытии Конгресса, в которой он предсказал создание единой Европы и Европарламента: «Настанет день, когда Франция, Россия, Италия, Англия, Германия, все народы континента, не потеряв своих отличительных черт и замечательной индивидуальности, сольются в уникальный союз, создадут европейское братство, как слились в единое государство — Францию — провинции Нормандия, Бретань, Бургундия, Лотарингия и Эльзас. Настанет день, когда полем сражения будут только рынки, открытые для коммерции, и умы, открытые для идей. Настанет день, когда на смену пулям и бомбам придут избирательные бюллетени, всеобщее избирательное право народов, авторитетные решения верховного независимого сената, который будет играть для всей Европы такую же роль, какую играет парламент в Англии, собрание представителей в Германии, законодательное собрание во Франции»¹.

Традиция проведения пацифистских конгрессов продолжилась и в последующие годы. В 1850 г. Конгресс проходил во Франкфурте-на-Майне, а в 1851 г. снова в Лондоне. Усиление тенденции к международному сотрудничеству не могло не оказать влияния на пацифистские движения, которые до тех пор ограничивались рамками отдельных государств. Расширение границ движения повлекло за собой изменения в его структуре и теории. В результате возникновения первых рабочих организаций, приведших к созданию в 1864 г. в Лондоне Международного товарищества рабочих, религиозные, гуманитарные и нравственные идеи, которыми пацифистские организации руководствовались в пер-

¹ Виктор Гюго, речь на открытии Конгресса пацифистов, Париж, 21 августа 1849 г.

вой половине века, уступили место требованиям социальной справедливости и, несмотря на то, что целью осталось достижение мира, в качестве средства его достижения предлагалась классовая борьба.

В этот период становления пропагандисты идей пацифизма основывались на достаточно идеализированных предпосылках. Мир — то есть отсутствие войны — представлялся им в виде золотого века человечества, но золотого века в будущем, как далекий рай, где отдельный человек и народы в целом, преодолев разногласия, противопоставляющие их друг другу, и прекратив ссоры, их разделяющие, жили бы как братья в вечном согласии. Объективное изучение феномена войны, для которого социолог Гастон Бутуль предложил термин «*rolémologie*», еще только предстояло провести. Война рассматривалась как искажение природы человека, как «патологическое состояние», по выражению Гюстава Муанье, от которого можно излечиться, обратившись к разуму. Для этого предусматривались следующие средства: разрешение споров третейским судом, разоружение, пропаганда идей пацифизма. Это серьезные средства, но они имеют ограниченное применение, когда возникает угроза целостности или чести государств и народов. Что касается разоружения, то технический прогресс, основанный на достижениях науки, подталкивал правительства крупных государств скорее к наращиванию вооружений, нежели к их сокращению.

Разногласия между Францией и Пруссией в начале 1867 г. и их претензии в отношении Великого герцогства Люксембург продемонстрировали непрочность мира между народами. Конфликт, правда, разрешился мирно, путем переговоров, в результате которых Люксембург стал государством вечного нейтралитета (это произошло 11 мая 1867 г.). Но можно было наверняка предположить, что спорящие государства не будут склонны к примирению, как только спор между ними непосредственно затронет их жизненные интересы. Следовательно, необходимо было развивать гуманитарное право и усиливать пропаганду пацифизма. Именно тогда в Париже собрались делегаты Первой международной конференции Обществ помощи раненым и включили в повестку дня своих заседаний вопрос о возможном пересмотре Женевской конвенции от 22 августа 1864 г. В это же время, когда возникла угроза вооруженного конфликта, экономист Фредерик Пасси выступил в прессе с сообщением о создании 30 мая 1867 г. в Париже нового пацифистского общества — Международной и постоянной лиги пацифистов¹. Г-на Пасси вдохновила деятельность пацифистского движения во Франции и в других странах, где это движение также начало развиваться. Такими странами были Великобритания, США, Италия, Германия, Дания и Швеция. Заслуги Фредерика Пасси в деле организации пацифистского движения высоко оценены: в 1901 г. он вместе с Анри Дюнаном был удостоен Нобелевской премии мира.

Исходя из принципа, что войны находятся в явном противоречии с направлениями развития цивилизации, вновь созданное общество считало priori-

¹ См. Le Temps, 26 апреля 1867. Фредерик Пасси (1822–1912), автор большого количества работ по экономике, убежденный сторонник пацифизма и мирной) решения спорных вопросов, защитник идеи Европейской федерации. В 1889 г. вместе с Уильямом Рэндаллом Кремером создал Межпарламентский союз. Уже в 1859 г. выступал против войны в Ломбардии.

тетным сохранение равновесия между европейскими державами, на которые была возложена обязанность воздерживаться от любых посягательств и любых угроз по отношению к другим народам. Для защиты и пропаганды великих принципов взаимного уважения, которые, по мнению общества, должны были отныне стать всеобщим законом для человечества, оно обращалось за помощью ко всем людям доброй воли во всем мире¹.

Однако эти цели не удовлетворяли целый ряд пацифистских организаций Франции, находившихся в оппозиции к властям империи. Представители этих организаций, видя в политике, проводимой авторитарными режимами, постоянную причину для возникновения конфликта, и считая, что провозглашение великих принципов взаимоуважения или призыв к людям доброй воли не являются достаточными для установления мира во всем мире, полагали, что в первую очередь необходимо осуществить свержение этих режимов и освободить народы. По инициативе последователя Сен-Симона, философа Шарля Лемоннье, они решили созвать в сентябре 1867 г. в Женеве Конгресс пацифистов. Причем цели и средства отличались в значительной мере от тех, которые провозглашал Фредерик Пасси: «Цель Женевского конгресса — определить политические и экономические условия, необходимые для установления мира между народами, и в частности, для создания Соединенных Штатов Европы. Он стремится к тому, чтобы стать Конгрессом европейской демократии, чтобы авторитет его участников способствовал определению основ этого великого решения и послужил сигналом к пробуждению сознания во имя бессмертного лозунга Французской революции. Для демократии настало время показать свою жизнеспособность и готовность к действию»².

Женева не случайно была выбрана в качестве места проведения Конгресса, писал Шарль Лемоннье. «Кандидатура Парижа отпала, она даже не рассматривалась. Сначала решили остановиться на Брюсселе, потом на Мангейме. Но было много причин, почему мы выбрали Женеву: активное участие в движении некоторых наших друзей, отличавшихся неизменной преданностью делу, умением спокойно работать, отвагой и осторожностью; либеральные настроения значительной части жителей города; известность, которую город приобрел как убежище для стольких изгнанников; терпимость и свобода, которые, как предполагается, полностью гарантированы в нейтральной республике с демократическим правительством»³.

Парижский комитет предложил Отделу гуманитарных и политических наук Национального института Женевы⁴, который в то время возглавлял

¹ Опубликовано Международной и постоянной лигой пацифистов в розничных выпусках La Bibliothèque de la Paix.

² *Annales du Congrès de Genève*, préface par Jules Barni. Vérésoff et Garrigues, Genève, 1868, pp. 6–7.

³ *Charles Lémonnier. La vérité sur le Congrès de Genève*. Vérésoff et Garrigues, Berne et Genève, 1867, pp. 5–6.

⁴ Национальный институт Женевы был основан в 1852 г. по инициативе Джеймса Фази, который в то время являлся президентом Государственного Совета Женевы. Он же стал первым президентом Национального института. Институт работал (и работает) по трем направлениям: промышленность, торговля, сельское хозяйство; гуманитарные и политические науки; искусство, музыка, литература.

Джеймс Фази, организовать проведение Конгресса. Приняв предложение, Отдел назначил оргкомитет, который сначала возглавил Джеймс Фази, а затем, по некоторым организационным соображениям, его президентом стал француз Жюль Барни, профессор Женевской Академии, вице-президентом — доктор Фоконне, секретарем — скульптор Шарль Менн¹. Конгресс открылся 9 сентября и проходил в здании для выборов, специально оборудованном для этой цели.

Организационный комитет пригласил для участия в Конгрессе Джузеппе Гарибальди. Прибытие героя борьбы за объединение Италии широко освещалось в прессе. В распоряжение Гарибальди для его поездки из Вильнева в Женеву были предоставлены два отдельных вагона. На каждой станции, где останавливался поезд, Гарибальди встречали приветственные звуки фанфар, выступления хоров, а именитые граждане произносили речи. По прибытии на вокзал Корнавен, где героя ожидали тысячи людей, Гарибальди вышел из вагона, одетый в форму генерала добровольцев-гарибальдийцев, приветствуемый залпами артиллерийского салюта и овациями собравшихся. С балкона дома Джеймса Фази, что находился на углу улицы Монблан и набережной с тем же названием, Гарибальди, рядом с которым стояли хозяин дома и Альбер Вессель, обратился с приветственной речью к толпе, собравшейся на набережной².

По мнению организаторов Конгресса, политическое освобождение народов Европы и их объединение в демократическую федерацию было непременным условием для установления мира. Однако не все разделяли эти взгляды. Когда к деятелю пацифистского движения Генри Ричарду обратились за консультацией в процессе подготовки Женевского конгресса, он заявил от имени Лондонского общества мира, что основополагающим принципом его организации является невмешательство и даже неучастие в политике, что Лондонское общество будет только наблюдать за работой Женевского конгресса, не присоединяясь к нему, но оказывая ему содействие своими добрыми пожеланиями. От имени Международной и постоянной лиги пацифистов аналогичное заявление сделал Фредерик Пасси. Таким образом, наметились расхождения между программами пацифистских обществ, основанных на религиозных, нравственных, социальных или экономических теориях, и тех, которые делали упор на революционную деятельность. Этот раскол проявился даже на самом Женевском конгрессе, когда сторонники международного революционного движения и более умеренные приверженцы действий демокра-

¹ Членами Центрального комитета были также жители Женевы Амеде Роже, член Демократической партии, и нотариус Альбер Вессель, член Независимой партии. Одним из членов делегации Германии был Арман Гегг, покинувший родину после революционных волнений 1848 г. Его сын Эгмонд (Эдмон) Гегг, проживавший в Женеве, станет позже членом Женевского общества поощрения общественного блага и будет неоднократно избираться его президентом, в частности в 1906 г., в Пале де л'Атене он в этом качестве от имени Общества принимал делегатов Дипломатической конференции по пересмотру Женевской конвенции от 22 августа 1864 г.

² См. *Charles Lemonnier*, op. cit. (см. сн. 2 на с. 9), pp. 12–14; *Willy Aeschlimann*. *Garibaldi à Genève*. — *Almanach du Vieux Genève*, 1963, pp. 23–25, et «Garibaldi au Congrès de la Paix et la presse valaisanne», *ibid.*, 1964, pp. 25–28; газеты Женевы этого периода.

тических сил на национальном уровне участвовали в словесных баталиях, которые разгорелись еще ярче после пламенных выступлений Гарибальди и Бакунина: Гарибальди предложил отменить институт папства, а Бакунин ратовал за ликвидацию института государства¹.

Таким образом, на Конгрессе не обошлось без неразберихи и споров между участниками. Этому способствовала и сама организация Конгресса. Инициаторы его проведения стремились к тому, чтобы в нем участвовали представители самых разных кругов, профсоюзные и религиозные деятели, революционеры и сторонники традиционных взглядов. Большинство участников, максимально используя предоставленную им свободу для выражения своих идей, стремились часто выступать в прениях, нарушали регламент, прерывали ораторов. Возможно, этого нельзя было избежать. Связывая политику с борьбой за мир, Конгресс, естественно, предоставлял возможность для выражения различных политических взглядов, однако в то же время признавалось, что ответственность за сохранение мира лежит в конечном счете на политических институтах.

Кроме того, выяснилось, что организаторы Женевского конгресса не исключали возможности прибегать к восстанию как к средству достижения мира. Вот что пишет профессор Жюль Барни: «Мир всегда оставался конечной целью наших устремлений, но эта цель никогда не отделялась от понятия свободы, без которой мир вообще был бы невозможен. В этом смысле Женевский конгресс сильно отличался от предшествующих: это был первый Конгресс, заявивший о достижении мира посредством завоевания свободы»².

Несмотря на то что эпоха способствовала развитию идей пацифизма, было очевидно, что политика великих держав привела к возросшему риску возникновения войны. После австро-прусской войны 1866 г. стало ясно, что объединение Германии неизбежно, что оно произойдет под началом Пруссии. Дипломаты могли без труда предвидеть зарождение конфликта между будущей Германской империей, нетерпеливо стремящейся продемонстрировать свое промышленное и военное могущество, и Французской империей, озабоченной сохранением лидирующего положения в Европе. Всемирная выставка, открытая в Париже летом 1867 г., утверждала приоритет французской промышленности и культуры. Но в павильоне «Промышленность» посетители выставки могли полюбоваться последней моделью пушки Круппа, тяжеловесного напоминания о германской военной мощи. И уже ничто не могло сгладить этого впечатления: ни павильон Красного Креста, открытый по поводу созыва Международной конференции обществ помощи раненым, ни представительство Международной и постоянной лиги пацифистов, которое Фредерик Пасси организовал в павильоне Эльзаса. И, конечно, будущий лауреат Нобелевской премии мира испытал определенное беспокойство, когда узнал,

¹ О проведении Конгресса см. *Annales du Congrès de Genève*; *Charles Lemonnier*, op. cit. (см. сн. 2 на с. 9); и *François Ruchon*. *Histoire politique de Genève (1813–1907)*. Jullien, Genève, 1953, vol. II, pp. 231–232.

² Предисловие Жюль Барни для *Annales du Congrès de Genève*, p. VIII.

что некий шведский химик по имени Альфред Нобель запатентовал производство динамита.

Гюстав Муанье, принимавший участие в парижской Международной конференции обществ помощи раненым, узнал об основании Международной и постоянной лиги пацифистов, а после возвращения в Женеву — и о жарких дискуссиях, которые сопровождали заседания Конгресса Международной лиги мира и свободы. Его симпатии были на стороне первого из этих двух обществ. Основные положения программы Лиги, возглавляемой Фредериком Пасси, а именно, воздержание от каких-либо угроз по отношению к другим государствам, обращение к великим принципам взаимного уважения, были весьма созвучны собственным представлениям Гюстава Муанье и тем принципам, которые Красный Крест стремился утвердить в качестве основы для взаимоотношений между народами. Кроме того, на него мог повлиять и тот факт, что среди подписавшихся под декларацией оргкомитета Лиги были его друзья: священник Мартэн-Пашу и Огюст Вишер. В мае 1868 г. Гюстав Муанье стал соучредителем Международной и постоянной лиги пацифистов¹, а в декабре 1869 г. был выдвинут в состав ее женевского комитета².

Все эти расхождения, разногласия, споры, несомненно, являлись выражением тех противоречий, которые неизбежны в отношениях между пацифистами, если они не склоняются к идее абсолютного ненасилия и безусловного мира. Естественно, оборонительная война является одним из главных и, может быть, самым разумным исключением из принципа ненасилия. В те времена, когда ведение войны входило в основные обязанности монархов, наставник герцога Бургундского аббат Фенелон не преминул заметить своему царственному ученику: «Нельзя вести войну иначе как вопреки своему желанию, когда нет другого выхода, чтобы отразить насилие противника»³. Понятие справедливой войны также отмечалось в истории войн как важное исключение из пацифистских теорий⁴. Но кому судить о справедливости войны как не победителю? Кто из солдат, идущих боевыми дорогами, не верит в то, что он защищает справедливость, цивилизацию или свободу? «Война справедлива для того, кому она необходима, и оружие священно, когда надежда на все иные средства потеряна», — писал Тит Ливий⁵.

А как насчет войны за независимость, права поднять восстание? Не заявил ли Гарибальди, прежде чем покинул Женевский конгресс до его оконча-

¹ Учредителями стали члены Лиги, которые вступили в нее в течение первого года ее существования и внесли взнос не менее 100 франков.

² Фредерик Пасси провел в Женеве две конференции по проблемам войны и мира: 1 декабря 1869 г. в зале Друзей просвещения в Тампль-юник (в настоящее время церковь Сакре-Кер) и 3 декабря в зале Реформации. По итогам этих конференций, которые имели большой успех, многие их участники вступили в Лигу мира в качестве постоянных или ассоциированных членов.

³ Фенелон (1651–1715). «Диалоги мертвых», Диалог XVI: Сократ и Алкивиад.

⁴ См. *Peter Haggennmacher*. *Guerre juste et guerre régulière dans la doctrine espagnole du XVIe siècle*, RICR, n° 797, septembre—octobre 1992; его же, «Grotius et la doctrine de la guerre juste». P. U. F., Paris, 1983 (Publications de l'Institut universaire de hautes études internationales, Genève).

⁵ *Tite-Live*, livre IX, I. Цитируется в *Machiavel*. *Le Prince*, ch. XXVI.

ния и вернулся к своим солдатам, чтобы повести их на Рим: «Раб единственный имеет право вести войну против тиранов»¹.

Один яркий пример показывает, как слаба надежда примирить идеалы пацифизма с политическими требованиями. Мы знаем о том, какие чувства испытывал Виктор Гюго во время Парижского конгресса 1849 г., через год после революции. Спустя 20 лет на Конгрессе 1869 г. в Лозанне ситуация переменилась. Глашатай оппозиции имперскому режиму, высланный из родной страны, защитник изгнанников, Гюго провозглашает, что установление мира в Европе предполагает свержение всех деспотичных режимов при помощи войны, *последней войны*, если это необходимо: «Первейшим условием мира является обретение свободы. Для обретения свободы непременно нужна революция, которая будет завершающей, и, может быть, увы, война, которая будет последней. И тогда все свершится. Мир, будучи нерушимым, установится навечно». И он заключает: «Свобода — это цель, мир — это результат»².

В то время Женева открывала свое призвание быть городом конгрессов. Во многих европейских государствах с авторитарными режимами свобода собраний была ограничена, свобода слова не гарантировалась. Благодаря либеральным законам и духу открытости города Кальвина сюда ежегодно прибывали политики, дипломаты, деятели профсоюзного и пацифистского движения. Судите сами. В 1863 г. состоялась учредительная конференция Красного Креста, в 1864 г. — первая Дипломатическая конференция, разработавшая Женевскую конвенцию, в 1866 г. — первый конгресс Международного товарищества рабочих, в 1867 г. — первый Международный конгресс мира и свободы, в 1868 г. — Дипломатическая конференция по пересмотру Женевской конвенции 1864 г. Война 1870–1871 гг. прервала на время работу следовавших друг за другом конгрессов, проведение которых возобновилось в 1871–1872 гг. арбитражем по поводу «Алабамы». В 1873 г. Конгресс пацифистов вновь собрался в Женеве. В 1874 г. в Отель-де-Виль (рагуше) прошло первое заседание Института международного права, а затем, в этом же году, очередной Конгресс мира и свободы. За 12 лет, с 1863 по 1874 г., в Женеве состоялось девять международных конгрессов, где обсуждались серьезные проблемы защиты раненых, положения рабочих, установления мира, арбитража, совершенствования права. Все это способствовало подготовке города к той роли, которую ему предстояло позднее сыграть на международной арене.

Франко-прусская война 1870 г. не прервала заседаний Лиги мира и свободы³. Однако реальность часто опрокидывала идеальные построения, и Лиге мира

¹ Annales du Congrès de Genève, op. cit. (см. сн. 1 на с. 9), p. 139. В момент выступления гарибальдийцев против Папской области Международный комитет обратился к Федеральному совету Швейцарии и монсьёру Мермию, незадолго до этого назначенному епископом *in partibus* г. Хеврон и представителем в Женеве, в надежде, что они смогут побудить Ватикан присоединиться к Женевской конвенции от 22 августа 1864 г. (письма Гюстава Муанье президенту Конфедерации и монсьёру Мермию от 1 ноября 1867 г.). Монсьёр Мермию благосклонно отнесся к ходатайству Комитета и сразу же дал ему ход. Папские власти объявили о своем присоединении к Конвенции 6 мая 1868 г.

² Виктор Гюго, Конгресс в Лозанне, 4 сентября 1869 г.

³ Конгресс пацифистов проводился в 1870 г. в Базеле, в 1871 г. в Лозанне и в 1872 г. в Лугано. Начиная с 1873 г. он регулярно проводится в Женеве.

и свободы пришлось свои устремления к установлению мира и образованию Соединенных Штатов Европы приспособлять к грубой действительности, где правили бал территориальные претензии: «Аннексия провинций Эльзас и Лотарингия, произведенная под предлогом защиты от будущих опасностей, — не что иное, как в чистом виде завоевание. Право населения этих провинций решать свою судьбу, подавленное силой, остается за ними, оно заявит о себе, как только эта сила перестанет существовать»¹.

В 1874 г. Конгресс мира и свободы вновь собрался в Женеве. Виктор Гюго, которого пригласили в нем участвовать, на этот раз отклонил приглашение. К своим сомнениям, которые он уже высказывал в 1869 г., Гюго добавил новые. За это время разразилась франко-прусская война, немецкая армия вторглась во Францию, которая в результате потеряла две провинции. Необходимо было хотя бы частично возместить эти потери. Таким образом, на первый план выдвигается не мир, а справедливость. «Отложим разговоры о братстве. Там, где была надежда, появилась угроза: перед нами целая цепь катастроф, которые порождают одна другую, и их надо пройти до конца. Теперь уже не остановиться»².

То, о чем говорил великий трибун, было слишком реальным. Война 1870 г. породила дух соперничества, недоверия и враждебности между Францией и Германией, который в течение почти 100 лет, во время которых начались и закончились две мировые войны, препятствовал любым попыткам построить мирную Европу. И все это происходило вопреки договорам, которые запрещали войну только в представлениях тех, кто эти договоры подписывал. Но сама эта враждебность, поскольку она представляла угрозу для народов Европы, явилась стимулом для возникновения новых пацифистских организаций, которые стремились охватить своей деятельностью весь мир. Не вдаваясь в подробности их создания, перечислим наиболее известные из них, занимавшиеся вопросами арбитража и установления мира: Комитет межпарламентского союза, основанный в Берне в 1892 г., Международный комитет пацифистов, созданный в Риме в ноябре 1891 г. по решению Всемирного конгресса пацифистов и получивший в 1910 г. Нобелевскую премию³.

Перечисляя эти факты, мы не отклонились в сторону от нашей темы. Для того чтобы понять задачу, стоящую перед Красным Крестом, необходимо на самом деле рассматривать ее в контексте той эпохи, вспомнить, под влиянием каких событий рождались пацифистские движения, знать, какие противоречия возникали между их представителями, выражавшими наиболее крайние взгляды. Например, юрист Ролен-Жакмен, выступая в 1873 г. со своими замечаниями о программе Лиги мира и свободы, не скупится на критику: «Не увидели ли мы в Лозанне то, что, назвавшись Конгрессом мира и свободы, превратило в насмешку само это название для всякого, кто беспристрастно прочтет отчет о его

¹ Ligue internationale de la Paix et de la Liberté, Пятый конгресс, Лозанна, 25–29 сентября 1871 г., четвертая резолюция (международное право).

² *Victor Hugo. La question de la paix remplacée par la question de la guerre — À MM. les membres du Congrès de la Paix à Genève, Paris, 4 septembre 1874.*

³ Эли Дюкоммен, первый секретарь Международного комитета мира, и Шарль-Альбер Гоба, секретарь центрального комитета Межпарламентского союза, были вместе удостоены Нобелевской премии мира в 1902 г.

заседаниях? Эти бесплодные дискуссии не идут ни в какое сравнение с блестящими и плодотворными заседаниями Конгресса пацифистов, проходившими с 1842 г. в Лондоне, Париже, Брюсселе, Франкфурте. Однако мы считаем, что пришло время предпринимать какие-то более конкретные действия, чем просто высказывать пожелания, облеченные в общие фразы, и посылать проклятия войне»¹. Таким конкретным средством, по его мнению, является коллективная деятельность юридического и научного характера, которая нашла выражение в создании Института международного права, девиз которого *Justicia et pax* дополнит девиз Красного Креста *Inter arma contas*.

В этой ситуации Красный Крест, будучи только организован, не мог безоговорочно примкнуть к тому или иному пацифистскому движению, так как тогда он должен был бы принять некие политические, идеологические или религиозные установки, участвовать в политических баталиях, в то время как доктрина Движения предусматривает его универсальность. Главным было служение цели, которую Движение для себя выбрало, а именно, улучшение деятельности санитарных служб и защита раненых.

Мы видели, что уже в своей первой речи на Женевской конференции в октябре 1863 г. Гюстав Муанье остановился на проблеме, которую мы здесь рассматриваем: взаимоотношения деятельности, связанной с борьбой против войны, и деятельности по защите раненых и неизбежное противоречие между ними. Он выдвинул один из аргументов, который определял отношение Красного Креста к проблеме установления мира: только показывая истинное лицо войны, «обнародавая во имя милосердия те факты, которые правительство слишком часто скрывало, исходя из своих интересов», можно наиболее эффективно действовать в целях всеобщего разоружения. С того времени позиция Международного Комитета заключается в том, что он не участвует непосредственно в деятельности пацифистских движений, хотя и поддерживает их программу.

Став соучредителем Международной и постоянной лиги пацифистов, в мае 1868 г. Гюстав Муанье обратился к Фредерику Пасси с письмом, в котором он впервые высказался о том, какими, по его мнению, должны быть взаимоотношения и задачи Красного Креста и пацифистских обществ.

В первую очередь Гюстав Муанье уверяет г-на Пасси в поддержке со стороны Красного Креста и опровергает тех, кто обвиняет эту организацию в том, что она поощряет войну, соглашаясь работать лишь с целью умерить ее последствия. Но он также дает понять, что Красный Крест в одиночку не сможет устранить все последствия войны: «Я считаю своим долгом присоединиться к Вашим миролюбивым выступлениям, тем более что иногда дело, которым я занимаюсь, то есть оказание помощи раненым, считают поощрением войны, потому что эта помощь делает войну менее жестокой. Мне нет необходимости говорить Вам, что я придерживаюсь иного мнения. Мы отнюдь не льстим себя надеждой, что сможем полностью искоренить ужасы войны, что станет завидной судьба

¹ G. Rolin-Jaequemyns. De la nécessité d'organiser une institution scientifique permanente pour favoriser l'étude et les progrès du droit international. — Revue de droit international et de législation comparée, vol. V, 1873, p. 466.

ее жертв. Что бы мы ни делали, война всегда останется величайшим бедствием и всегда найдется много причин, чтобы ее проклинать»¹. Таким образом, полагает Гюстав Муанье, оказывая помощь жертвам войны, берясь за выполнение задач, требующих наиболее срочного решения, члены Красного Креста вносят значительный вклад в дело Лиги мира.

В 1869 г. Гюстав Муанье развил свои мысли в статье, опубликованной в первом номере (1869, октябрь) Международного бюллетеня обществ помощи раненым военным (*Bulletin international des Sociétés de secours aux militaires blessés*). Отвечая тем, кто полагал, что эти общества должны не столько заботиться о предоставлении помощи раненым, сколько о том, чтобы вырвать зло с корнем и обеспечить народам длительный мир, Гюстав Муанье писал: «Те, кто высказывают эти претензии, похоже, забывают, что существуют организации, целью которых является именно ведение войны против войны, таким образом, они уже отвечают самым великодушным устремлениям современности. Этим критикам следовало бы подумать о том, что в ожидании торжества поборников мира мудрость советует нам быть готовыми к любым событиям».

В декабре 1892 г., отвечая на просьбу редактора журнала «*Deutsche Revue*», Гюстав Муанье написал статью «*Die Härten des Krieges und das Völkerrecht*» («Ужасы войны и международное право»)², где он рассмотрел проблемы, которые ставит перед людьми желание соблюдать нормы права в такой области, которая по своей природе не знает норм и не подчиняется праву.

На момент публикации статьи у Гюстава Муанье уже был за плечами 30-летний опыт работы в области гуманитарного права и права войны. Ему принадлежала ведущая роль в подготовке и выработке текста Женевской конвенции 1864 г., а затем в пересмотре и дополнении положений этой Конвенции, он участвовал в создании и деятельности Института международного права, предложил и опубликовал Руководство по праву сухопутной войны (известное как Оксфордское руководство), где в одном документе собраны все законы, существовавшие на тот период, которые налагают ограничения на воюющих в выборе средств ведения войны и предписывают им правила поведения по отношению к некомбатантам и лицам, выведенным из строя.

Однако он констатировал также: войны не стали вследствие этого менее частыми и менее губительными, несмотря на то, что международное гуманитарное право бесспорно внесло свой вклад в дело защиты жертв войны, несмотря на то, что оно в какой-то степени уменьшило последствия насилия,

¹ Письмо Гюстава Муанье Фредерику Пасси, май 1868 г. Письмо было опубликовано в приложении к отчету о заседаниях первой генеральной ассамблеи Международной и постоянной лиги пацифистов, проходившей 8 июня 1868 г. (*Bibliothèque de la Paix*). Гюстав Муанье, который предполагал опубликовать письмо в то время, привел его в статье, появившейся в *RICR*, n° 126, avril 1901, p. 74.

² «*Die Härten des Krieges und das Völkerrecht, Ein Brief des Präsidenten des internationalen Instituts für Völkerrecht, Herrn Moynier, an den Herausgeber der Deutschen Revue [Richard Fleischer]*». — «*Deutsche Revue über das gesamte nationale Leben der Gegenwart*», dix-septième année, vol. IV, octobre—décembre 1892, Breslau, pp. 331–339. В 1899 г. Анри Дюнан опубликовал в «*Deutsche Revue*» немецкий перевод своего пацифистского манифеста «*La proposition du tsar Nicolas II*».

а также, может быть, помешало эскалации репрессалий, все же постоянный рост вооружений, их техническое усовершенствование, установление воинской обязанности для всех классов общества приводят к тому, что опасности и разрушения, вызванные войной, множатся быстрее, чем создаются законы, призванные их сдерживать. Таким образом, предметом договоров отныне является не только оказание помощи раненым, но также и ведение военных действий. Следует ли сделать отсюда вывод, что государство, которое станет вести войну согласно правилам, нельзя будет ни в чем упрекнуть? Существует ли право разрушать?

Понятно, что Гюстав Муанье не мог не задавать себе эти вопросы. Он был вынужден спросить себя — не привело ли желание примирить две несовместимые вещи, а именно, реальное существование войны и регламентация ее ведения, к тому, что он назвал нелогичной и нестабильной ситуацией, которая была бы оправдана, только если бы она открыла путь к упразднению войны.

Сначала Гюстав Муанье объясняет, почему он решил ответить на просьбу редактора журнала, а также свой выбор темы, которая уже столько раз обсуждалась. Причина в том, говорит он, что некоторые идеи нужно повторять снова и снова. «Преобразования, подобные тем, что происходят в наше время в области ведения войны, не могут быть полностью реализованы иначе как при условии их поддержки со стороны всего населения цивилизованных государств. И только путем постоянного повторения можно вложить эти идеи в умы всех людей и только так можно завоевать их сердца»¹. Гюстав Муанье рассматривает правила, принять которые заставила правительства совесть народов. Он говорит, что оставляет в стороне благотворительные организации типа Красного Креста, но необходимо понимать, что так он называет только организации, осуществляющие оказание гуманитарной помощи, а в основном его статья посвящена международному гуманитарному праву. Напомним в связи с этим, что он подписал данную статью в качестве президента Института международного права.

«Тема нашего исследования ставит перед нами проблему примирения двух несовместимых вещей. С одной стороны, реальный факт — война, которая, что бы про нее ни говорили, еще долго будет свирепствовать в мире. С другой стороны, факт нравственный — пробуждение коллективного сознания человечества, которое будет постепенно совершенствоваться и придет в конце концов к выводу, что война — это патологическое состояние, от которого желательно избавиться. Из этого противоречия путем некоего компромисса рождается нечто смешанное. От войны не отказались, но договорились вести ее несколько иначе. Война приняла более умеренный характер, так как были введены некоторые не слишком обременительные ограничения, которые филантропы считают недостаточными, но которые помогают им терпеливо ожидать лучших времен. Легко понять, что такая ситуация нелогична и нестабильна. Я полагаю, что она

¹ Оригинал написан на французском языке, рукопись датирована октябрём 1892 г., МККК, Фонд Муанье.

перейдет в стадию постепенного исключения жестоких средств, используемых для разрешения международных конфликтов...»

Затем автор обращается к международным договорам (как ратифицированным, так и не ратифицированным), относящимся к войне. Гюстав Муанье констатирует, что принятие актов, имеющих отношение к войне, кроме Парижской декларации от 16 апреля 1856 г., запрещающей каперство и предписывающей условия блокады, происходило в течение короткого периода с 1863 по 1880 г., ранее такие акты не существовали, и после того (статья написана в 1892 г.) они также не заключались. Он анализирует пять юридических актов, разработанных в течение этих 18 лет (не все из них были промульгированы): Женевская конвенция от 22 августа 1864 г., проект дополнительных статей (1868 г.) к Женевской конвенции, Санкт-Петербургская декларация 1868 г., запрещающая употребление взрывчатых снарядов весом менее 400 г, Брюссельская декларация 1874 г., а также Руководство по законам войны, принятое Институтом международного права в 1880 г.

Однако эти договоры и декларации не являются одинаково обязательными для выполнения: только Женевская конвенция и Санкт-Петербургская декларация были ратифицированы. Значит ли это, что никаких санкций за их нарушение не последует? Нет, говорит Муанье, который в 1872 г. пытался внести на рассмотрение международного сообщества проект о введении юридической ответственности за нарушение Женевской конвенции, что, впрочем, не имело успеха. И все-таки он говорит: «Для того, кто умеет читать между строк, не составит труда разглядеть в этих документах, рядом с положениями, которые, на первый взгляд, можно безнаказанно нарушать, не нашедшее выражения в словах осуждение тех, кто с этими нормами не считается. Это не наказание по приговору суда, это прежде всего позор, боязнь которого может остановить комбатантов, не желающих прослыть дикарями. Древние обычаи не обладали такой принудительной силой. Будучи в той или иной мере спорными, эти обычаи не облекались в форму ясных и неоспоримых предписаний, в то время как при наличии четких и корректно сформулированных правил каждый знает, от чего ему следует воздерживаться. Собственно говоря, быть виновным в нарушении приказа можно только после того, как он будет отдан».

Помимо этих договоров, которые ратифицированы и вошли в действующее право, Гюстав Муанье ссылается на договоры, которые хотя и не ратифицированы, но получили одобрение дипломатического форума, и, по его мнению, считаются обязательными для соблюдения даже без промульгации. Муанье отдельно рассматривает в проектах конвенций и деклараций те статьи, по поводу которых не было достигнуто соглашения из-за того, что участники форума не пришли к единому мнению, и те статьи, которые были одобрены путем голосования. Он считает, что последние не ратифицированы только потому, что были привязаны к первым. «Если бы их выделили из общего текста проекта, где они упомянуты, и рассматривали в качестве отдельных конвенций, они были бы юридически приняты». Следовательно, считает Гюстав Муанье, положения,

которые, не будучи ратифицированными, приняты всеми, имеют практически такую же силу, как международные законы, так как и те и другие выражают современные обычаи, а те, кто их нарушает, не подпадают под юрисдикцию никакого суда¹.

Это не означает, что не нужно придать статус законов текстам, которые получили всеобщее одобрение. Государства — участники этих договоров получили право подавать жалобу в случае их нарушений, и порицание, высказываемое правительствами, «является более строгим наказанием, чем упреки, исходящие от лиц, не облеченных властью, а угроза такого порицания способна заставить воюющих больше обдумывать свои действия».

Гюстав Муанье высказал мнение о том, что усилия, предпринимаемые для смягчения последствий военных действий, будут продолжены и что будут заключены новые международные договоры. Затем он развил свои доводы, высказанные ранее в письме Фредерику Пасси в 1868 г.: гуманитарное право само по себе не приведет к упразднению войны, которая по сути своей является призывом к насилию.

«В преамбуле Санкт-Петербургской декларации сказано, что успехи цивилизации должны как можно больше проявляться в уменьшении «бедствий войны»; в добрый час, но сама война абсолютно не поддается воздействию цивилизации. Мне представляется, что она, по меньшей мере, является пережитком варварства, который цивилизация стремится уничтожить, а не зародышем будущего развития. Я не представляю себе цивилизацию, которая хочет добиться превосходства права над силой, как в отношениях между сообществами, так и между отдельными людьми, вступая в сделку с войной, никак не считающейся со справедливостью в своих проявлениях и всегда отдающей преимущество сильному над слабым. Акт взаимного уничтожения никоим образом не несет на себе печати цивилизации. Цивилизованная война, по моему убеждению, есть нонсенс».

Не следует, таким образом, полагать, что постепенное смягчение последствий войны непременно приведет к ее упразднению, однако необходимо понять, что гуманитарные конвенции наносят удар по самому институту войны как таковому. Упорядочение методов ведения войны, таким образом, является началом пути, который приведет к ее уничтожению.

«Факт признания, что среди средств, применяемых воюющими для порождения противника, существуют бесполезные, и решение их запретить могут иметь далеко идущие последствия. В самом деле, где находится предел «полезного», за который не хотелось бы выйти? Кто может судить об этом? Военный или философ? Не заставит ли это в конце концов задуматься о том,

¹ Во исполнение данного принципа Гюстав Муанье обратился с просьбой к Федеральному совету Швейцарии, чтобы он официально предложил государствам, участвовавшим в Дипломатической конференции в Женеве в 1868 г., ратифицировать отдельно дополнительные статьи, относящиеся к ведению морской войны, которые были единогласно приняты на конференции. Он предложил выделить их из общего проекта конвенции. Федеральный совет решил, что этот вопрос относится к компетенции Дипломатической конференции, и не ответил на предложение г-на Муанье.

действительно ли так уж необходимо убивать тысячи людей для того, чтобы восстановить нарушенную гармонию в отношениях между двумя государствами, не может ли правое дело восторжествовать, если использовать более умеренные средства, более соответствующие тому духу братства, о торжестве которого мы так хвастливо заявляем? Сам факт возникновения этого вопроса достаточен, чтобы поколебать веру в то, что война неизбежна, — аргумент, который приводится в качестве основного довода ее апологетами».

Итак, заключает Гюстав Муанье, чтобы война была признана позорным делом, надо не столько произносить патетические речи, сколько создавать законодательство о войне, тщательно просеивать все ее проявления через «сито разума, ведомого милосердием», показывать ее истинную сущность при помощи философского анализа. Красный Крест был первопроходцем в этом деле:

«Я считаю, что разработка свода законов о войне имеет социально важное значение и оказывает благотворное влияние именно в предвидении таких, пока еще очень отдаленных, результатов; я солидарен с теми, кто считает Женевскую конвенцию памятным событием, поскольку она обозначила наступление новой эры, которая завершится избавлением человечества от тех страшных бедствий, которые все еще преследуют его сегодня».

Гюстав Муанье возвращается к вопросу об отношении Красного Креста к пацифистским движениям в статье «Красный Крест и дело мира»¹, написанной им для «Международного журнала Красного Креста» (1901, апрель). В этой статье он цитирует свое письмо, написанное Фредерику Пасси в мае 1868 г., и повторяет аргументы, которые он выдвигал с самого основания Красного Креста. По его мнению, если два типа организаций, благотворительные и пацифистские, единодушны в том, что касается осуждения войны, то методы и средства, к которым они прибегают, — разные. «Невозможно себе представить, чтобы деятельность двух столь разных структур, хотя и представляющих гармоничное целое, была подчинена единому руководству, отсюда и различие функций пацифистских обществ и обществ Красного Креста, существующее в силу сложившихся обстоятельств... Поскольку они выполняют разные задачи, у этих организаций не было до сих пор возможности встретиться или наладить какое-либо сотрудничество, но тем не менее их деятельность следует рассматривать как развивающуюся параллельными курсами и стремящуюся к достижению одной цели».

Красный Крест также рассчитывает, пишет Гюстав Муанье, «на то, что пример его непоколебимой веры в братство народов окажет свое воздействие, тем более что поборники мира считают ее своей самой надежной опорой. Красный Крест не только проповедует это убеждение, он проводит его в жизнь, и именно там, где люди менее всего склонны его принять... Эти результаты дают возможность увидеть, что может сделать чувство, благодаря которому они были достигнуты, если оно глубоко проникнет в массы, а не останется, как сейчас, на поверхности сознания множества отдельных индивидуумов».

¹ См. сн. 1 на с. 37.

Эта позиция оставалась неизменной до начала Первой мировой войны. Как только был восстановлен мир, возникли новые обстоятельства. Сохранение мира стало главной целью Лиги Наций, что и было записано в ее Уставе. С тех пор как программа борьбы за мир приобрела всеобщий характер, Движение Красного Креста и Красного Полумесяца также включило в свою программу пропаганду пацифизма, не поступившись при этом ни своим особым характером, ни своей нейтральностью. Это дало возможность X Международной конференции Красного Креста, проходившей в Женеве в марте 1921 г., предложить МККК и Лиге национальных обществ Красного Креста обратиться с призывом ко всем народам планеты бороться против духа войны, который еще витает над миром¹, как говорится в 5-й резолюции.

Андре Дюран, бывший генеральный делегат МККК, автор книг «Histoire du Comité international de la Croix Rouge. De Sarajevo à Hiroshima». Henry Dunant Institute, 1978, и «Le Comité international de la Croix-Rouge, Fondation Jean Monnet pour l'Europe». Centre de Recherches européennes, Lausanne, 1980. Также является автором многочисленных статей по истории Движения, большинство из которых было опубликовано в «Международном журнале Красного Креста». Статья «Гюстав Муанье и пацифистские общества» представляет собой отрывок из биографии Гюстава Муанье, которая готовится к печати.

¹ См. на эту тему: «CICR et Ligue des Sociétés de la Croix-Rouge et du Croissant-Rouge, Action en faveur de la Paix, Résolutions concernant la paix adoptées par le Mouvement international de la Croix-Rouge et du Croissant-Rouge depuis 1921». Genève, 1986.